

Д. В. АЙНАЛОВ

К истории древне-русской литературы

I. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях рассказывается о том, как в 1075 г. пришли к Святославу Киевскому послы от немцев и как он с гордостью показал им свое богатство: «6583 (1075) лѣто мѣсяца июля въ ѣ день. Въ се лѣто придоша послѣ изъ нѣмечь къ Святославу. Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое. Они же видивъше бесцисленое множество злата и сребра и паволок рѣша: се ни во что (Лавр. лет.: се ничто) же есть; се бо лежитъ мертво, сего суть кмѣтье лучше, мужи бо доищутъ и больша сего. Сице ся похвали Езекии царь Юдѣйскій къ Соломону царю Асурійску, его же вся взята быша в Вавилон, тако и по сего смерти все имѣнье расъсыпашася раздѣно» (Ипатьевск. лет. под 6583 г.)¹

Это известие летописей стоит одиноко, без связи с предыдущими и последующими событиями. Сравнение Святослава с Езекией показывает, что летописец имеет в виду скорее нравочужение в христианском духе о нестяжании, чем историческую важность немецкого посольства. Между тем это известие имеет все признаки важного исторического факта. Действительно, дело идет о княжении Святослава, насильно завладевшего киевским

¹ Интересно, что в тексте Даниила Заточника есть упоминание об Езекии: «якоже бо похвалися Езикей царь посломъ царя вавилонского, и показаша им множество злата и сребра, они же рѣша: нашъ царь богаче тебя не множествомъ злата, но множествомъ воя; занеже мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти». Этому тексту И. А. Шляпкин искал источника в Палеях и не нашел, а встретил в Степенной книге (I, 234) рассказ про Святослава, заимствованный из летописей (Шляпкин. Слово Даниила Заточника, стр. 12—13, 73). Этот же рассказ об Езекии есть и в тексте Георгия Амартола, но в другой редакции: «Исправися Иезекия всѣми дѣды своими и тако къ словѣ вавоулоньскимъ, посланнымъ к нему послушати отъ него конецъ, иже бысть на земли и остави его господь искушати его да вѣдати суцая в сердци его, показа бо словѣ весь домъ свой и скровища, и рече Исаия къ нему словомъ господнемъ, зане показа имъ вся: се днѣ грядуть и возьмутъ в дому твоємъ вся, елика събраша отци твои, изнесутъ въ Вавоулонъ и отъ сыновъ твоихъ имуть и будутъ работающе царю вавоулоньскому» (Истрин. Хроника Георгия Амартола, стр. 165).

княжением и изгнавшего прямого наследника, старшего брата своего Изяслава.

К этому князю приходят, неизвестно с какой целью, немецкие послы, неизвестно кем посланные и не названные по имени. Между тем другие сведения русских и иностранных источников раскрывают истинную сущность летописного рассказа. Изяслав, изгнанный из Киева с княгиней своей и двумя сыновьями Ярополком и Святополком, убежал в Польшу к королю Болеславу и одарил его богато. Но последний отнял его сокровища и указал ему путь от себя. «Изяслав же иде въ Ляхы со имѣніемъ многымъ», говорит Ипатьевская летопись под 1073 годом, «и съ женою, уповая богатствомъ многымъ, глаголя, яко симъ налѣзу воя. Еже все взяша у него Ляхове, показаша ему путь отъ себе». Длугош так говорит об этом: «Zaslaus Dux Kiovensis in Poloniam auffugit ducens secum aurum, argentum, vasaque concupiscibilia, et omnem nobilem et pretiosam supellectilem», т. е. «Изяслав, князь Киевский, убежал в Польшу, неся с собой золото, серебро и вожделенные сосуды и весь благородный драгоценный обиход». Не получив помощи, Изяслав, ограбленный поляками, уехал в немецкую землю, где пробыл около трех лет. После бегства Изяслава из Киева, — «киевляне дворъ княжъ разграбиша, бесчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью». Летописец прибавляет: «колко ему зла сотвориша Кіяне, самого выгнаша, а домъ его разграбиша». Сам Изяслав, впоследствии заняв киевский стол, вспоминал об этих бедствиях в беседе с братьями: «не изгнаста ли вы мене брата своя и не блудиль ли по чюжимъ землямъ имѣнья лишень быхъ».

По русским источникам следы Изяслава в Германии теряются, но немецкие источники знают о нем. Ламберт Ашафенбургский под 1075 годом сообщает, как Генрих IV «прибыл в Майнц, и к нему явился князь русский по имени Димитрий (христианское имя Изяслава), принося ему неисчислимые богатства из золотых и серебряных сосудов и драгоценнейших паволок, и просил у него помощи против брата своего, который силой изгнал его из княжения и тиранически владеет им все время».¹

«Царем был послан к нему Бурхард, препозит Трирской церкви, и поручил он ему вести дело о несправедливости, оказанной брату, и убедить его, чтобы он возвратил княжение брату, столь несправедливо отнятое, иначе он в скорости узнает авторитет и оружие тевтонского царства. Бурхард потому считался лицом, пригодным для такого посольства, что был женат на сестре князя, к которому ехал, почему и сам, чтобы с ним не

¹ Monumenta Germaniae. Scriptores V, p. 219.

случилось чего-либо более тяжелого, достиг этого посольства у царя самыми усиленными просьбами. А князь русский был вверен для прожитья и охраны саксонскому маркграфу Дедо, при посредстве которого он и явился ко двору до возвращения послов».

Приезд Бурхарда к Святославу передают русские летописи. Послы прибыли от Генриха IV в июле 1075 г. к Святославу, который похвалился перед ними своим богатством, но что произошло дальше, снова передают только немецкие источники.

«Царь прибыл в Вормс, рассказывает дальше тот же Ламберт Ашафенбургский, и немного спустя возвратился Бурхард, ездивший от царя послом к русскому князю, неся царю столько золота и серебра и драгоценных паволок, сколько никогда еще не ввозилось на памяти тевтонского царства. Этими богатствами русский князь хотел подвигнуть царя к тому, чтобы он не оказывал помощи его брату против него». «Но, — прибавляет Ламберт, — это была лишняя просьба, он мог достигнуть этого и даром, так как занятый внешними и внутренними войнами Генрих IV не мог объявить никому никакой войны, и потому присланные сокровища взял себе, что было очень кстати, так как казна его была совершенно пуста».¹

Таким образом, драгоценные русские подарки из Киева попали частью в Польшу, затем в Германию со стороны обоих братьев к одному и тому же Генриху IV.

Польские драгоценности еще раз заняли внимание Западной Европы в лице знаменитого папы Григория VII (Гильдебрандта) по следующему поводу.

Как оказывается, Изяслав отправился в Польшу не один, а с княгиней и двумя сыновьями — Ярополком и Святополком, а из Польши уехал в немецкую землю с Ярополком, которого послал к папе Григорию с устным поручением просить его о помощи возвратить ему княжение на том условии, что он «Изяслав отдает свое княжество св. Петру на вечные времена». Можно думать, что Изяслав жаловался также папе на ограбление его Болеславом, так как на расстоянии двух недель последовали две папские буллы, одна к Изяславу, другая к Болеславу.

К Болеславу, польскому королю, папа обратился с увещанием, чтобы он возвратил отнятое у Изяслава имущество, в следующих словах: «Беззаконно присвоив себе казну² русского князя, ты нарушил добродетель

¹ Monumenta Germaniae. Scriptores V, p. 230.

² Pecunia, quam regi Russorum abstulistis.

христианскую. Молю и заклинаю тебя именем Божиим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо ослушники не вйдут в царствие небесное, ежели не возвратят похищенного».

Из того факта, что Изяслав от польского короля приходит в немецкую землю и богато и щедро одаривает короля Генриха IV, следует, что русское сообщение несколько преувеличивает польский грабёж. Но во всяком случае несомненно, что Изяслав был ограблен Болеславом и его людьми, жаловался папе на это ограбление, и папа отправил Болеславу особую буллу. Неизвестно, возвратил ли Болеслав похищенную казну, но известно, что он помог Изяславу снова занять Киев при посредстве своего войска.

Другое письмо было направлено к Изяславу. Папа Григорий принимает условия подчинения киевского княжения ап. Петру и западной церкви, но свои условия он поручил передать через верное лицо самому Изяславу устно. Письмо начинается так: «Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию князю русских и княгине супруге его желает здравия и посылает апостольское благословение. Сын Ваш, посетив пороги святых, явился к нам (*limina apostolorum visitans. ad nos venit*)» и проч. Обыкновенно полагают, что к папе ездил Ярополк. и, конечно, по смыслу тогдашних посольских поездок, он не мог явиться к папе с пустыми руками, а с соответственными дарами, вследствие чего становится понятным и самое хождение в Рим и посещение порогов святых апостолов — «*limina apostolorum*».

Некоторые драгоценные исторические указания и еще более драгоценные данные, впервые не так давно обнаруженные, проливают дальнейший свет на этот интересный эпизод.

В 1803 г. в июльском журнале *Kwartalnyk Historyczny* (кн. 3) появилась заметка краковского профессора Анатолия Левицкого: «*Napis na paliuszu z XI wieku*», на которую обратил внимание А. И. Линиченко. Надпись эта сохранилась в одной рукописи сборника XV в. в Курницкой библиотеке гр. Рачинских. Она гласит: «*Textus in Pallio Sancti Adalberti descriptus: «Orationibus Sancti Demetrii concedas omnipotens multos annos servo tuo Izaslaw duci Russia ob remissionem peccaminum et regni celestis Imperium Amen. Fiat Domine in nomine Tuo», т. е. «Текст, написанный на палиуме св. Адальберта: Молитвами святого Димитрия подаждь, боже всемогущий, многая лета рабу твоему Изяславу, князю русскому, в оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь. Господи, да будет во имя твое».*¹

¹ Арх. изв. и зам., 1894, стр. 329.

Когда, при каких обстоятельствах и кому предназначен был этот покров или паллиум, надпись которого скопирована была в рукописи XV в., неизвестно. Но во всяком случае эта надпись говорит об Изяславе, князе Русском, и патроне его, св. Димитрии. Как известно, Изяслав носил христианское имя Димитрия и построил церковь св. Димитрия в Киеве.

Если придать известное значение тому, что в надписи не обозначается ближайшим образом, что Изяслав был киевский князь, а просто русский князь, то можно думать, что покров или паллий был подарен кому-то во время изгнания Изяслава, и так как этот покров представлял собою церковную одежду, то он, можно думать, должен был происходить из даров папе для церквей, когда сын Изяслава посетил «*limina apostolorum*».

Так как паллиумы, даваемые папой, должны были возлагаться сначала на гроб св. Петра, а затем отсылались по назначению, то возможно, что паллий предназначался именно в дар от Изяслава, за которого сам папа ходатайствовал перед польским королем Болеславом. Латинская надпись, таким образом, может быть объяснена вовсе не переводом ее со славянского, а первоначальным написанием именно на латинском языке. Это тем более возможно, что молитвы жены Изяслава, в известной Псалтыри Эгберта, епископа Трирского, все писаны на латинском языке. Эта любопытная и всем известная псалтырь замечательна тем, что в ней изображена сама жена Изяслава, дочь Болеслава Храброго. Над ней стоит надпись: Мать Ярополка (M̄R IAROPOL — мать Ярополка). Из текста молитв, приложенных к Псалтыри, уясняется ее имя — «Гертруда». Но вся миниатюра имеет крайне таинственный смысл.

Дело в том, что Гертруда изображена припадающей к ногам апостола Петра. Фигура Петра имеет колоссальные размеры, так что размеры фигур матери Ярополка (M̄R IAROPOL), жены его Ирины не превышают величины колена Петра. Таким образом, художественно фигура апостола Петра возвеличена. Является вопрос, почему Гертруда с сыном Ярополком и женой Ириной воздевают руки именно к святому Петру, а Гертруда припадает к его ступне и, обнимая ее, наклоняется над ней, как бы стремясь поцеловать ее.

Н. П. Кондаков особенно задумался над этим последним данным миниатюры и возвел его к обычаю целования ступни статуи св. Петра в Риме. Он также отметил, что Петр держит свиток и ключи — «сочетание», говорит он, «не совсем обычное на греческой почве, но в данном случае ключи приписаны в зависимости от стоящего рядом текста: «*Sancte Petre, princeps Apostolorum, qui tenes claves regni celorum*». В исполнении фигуры

Петра и складок его одежды Н. П. Кондаков отмечает западное влияние или, лучше сказать, копию не с греческой, а с латинско-византийской рукописи.¹

Мне кажется, немногого недоставало в наблюдениях Н. П. Кондакова, чтобы прийти к верному пониманию миниатюры, но, доверившись изложению исторических данных у А. А. Бобринского и не вникнув во все латинские данные, освещающие вопрос, Н. П. сделал даже ошибку, что будто бы Ярополк, а не сам Изяслав получил киевский престол от папы Григория VII. Кроме этих черт, миниатюра содержит тайну иного рода: почему для такого исполнения избран именно св. Петр, когда у Изяслава семейным патроном был св. Димитрий, имя которого он призывал в надписи на паллиуме и имени которого он начал строить храм в Киеве? Правда, Ярополк, как следует из молитв Гертруды, носил имя Петра в крещении, и можно было бы объяснить дело так, что мать и сын со своей женой молятся патрону сына. Но едва ли такое объяснение способно вполне осветить все данные миниатюры этой и следующей, и мне кажется, что надо принять в соображение еще и данные письма папы Григория к Изяславу, которое гласит: «Сын Ваш, посетив апостольские пороги, явился к нам и смиренно молил нас о возвращении княжения нашими руками, как дар святому апостолу Петру, несомнительно утверждая, что его просьба установлена с Вашего согласия, если княжение будет возвращено благодаря апостольскому авторитету и силе. Снисходя к его пожеланиям и просьбам, которые казались искренними и связанными с Вашим согласием, а также к преданности просящего, мы передали правление княжением Вашим себе со стороны блаженного Петра (*et regni vestri gubernaculum sibi ex parte Beati Petri tradidimus*), с желанием, чтобы св. Петр сохранил Ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота и сделал Вас некогда сопричастником вечных славы».

Это письмо делало Изяслава и Ярополка подвластными новому патрону. Таким образом, моление Гертруды, Петра и Ирины, т. е. семьи Изяслава, перед святым Петром выражает в данном случае не моление всего семейства перед патроном сына Петра, а моление перед апостолом Петром, которому вручено было княжение и от которого можно было ожидать заступничества и сохранения «здравия, княжения и благого достояния», т. е. имущества. Эта миниатюра тем более важна с исторической точки зрения, что на ней изображен тот самый Ярополк, который от Изя-

¹ Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи, СПб. 1906, стр. 12—14.

слава ходил к папе Григорию и передал св. Петру киевское княжение, чтобы папа помог ему возвратить это княжение. Это тот самый Ярополк, который занял киевский стол в 1087 г. и погиб от руки Нерадца предательским образом. Он изображен еще и на другой миниатюре, не менее важной исторически, на которой происходит венчание его и Ирины. В русских источниках не упоминаются имена ни Гертруды, матери Ярополка, ни Ирины, жены его. Кто они такие? В Псалтыри, как я сказал, это имя жены Изяслава названо, но не над ее изображением, а в тексте молитвы (*famula Gertruda*), а ее сын назван Петром. В Патерике Печерском она названа дочерью Болеслава Храброго: «бысть бо сия княгиня ляховицы, дщерь Болеслава Храброго». Она умерла в 1108 г., и смерть ее отмечена словами летописца по имени живого еще тогда сына ее князя Святополка: «Преставися княгиня [Изяславля] Святополча мати» (Ник. лет.). Святополк пережил мать несколькими годами и умер в 1113 г. Я с целью останавливаюсь на этих датах, так как в дальнейшем их придется вспомнить еще раз. Что касается Ирины, то более или менее приемлемое и исторически обоснованное объяснение вопроса о том, кто была жена Ярополка дал Баумгартен,¹ хотя и не знал данных Псалтыри Гертруды. На миниатюре Гертрудиной Псалтыри венчание Ирины и Ярополка обставлено не просто, как обычное соединение рук, а в высшей степени торжественно, как событие, в котором принимает участие сам Христос, сверху парят троны, херувимы и серафимы, т. е. присутствуют небесные силы. Христос, сидя на троне, возлагает венцы на головы брачующихся и, таким образом, торжественная миниатюра сочинена по образцу общеизвестных царских венчаний в Византии. Миниатюра закрепляет, таким образом, союз Ярополка как наследного принца на великокняжеский престол по образцу византийских царских венчаний, венчание на княжение и на владение княжеским столом. Ярополка подводит ко Христу Петр, а Ирину — мать его. Кто такая эта Ирина? Баумгартен пришел к выводу, что женой Ярополка могла быть Кунигунда, падчерица того самого Дедо Остмаркского, который оказал Изяславу и Ярополку не только гостеприимство, но представил его королю Генриху IV. Изяслав с Ярополком жили у него вплоть до возвращения Бурхарда из Киева. Баумгартен² не мог сказать только, когда состоялся брак — до пребывания Изяслава в Германии или во время самого пребывания. Миниатюра Гертрудиной Псалтыри определенно и точно указы-

¹ Родословные отрывки, X—XIII, стр. 6.

² См. В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом, ЖМНП, 1888, июль.

вает на то, что брак с Кунигундой произошел после принятия папой киевского княжения под свое покровительство, «ex parte Beati Petri», и когда настоящим наследником киевского стола стал Ярополк, выхлопотавший это покровительство, т. е. после папской буллы. Этим объясняется то, что Петр подводит Ярополка.

Таким образом, повидимому, дружеские отношения Дедо Остмаркского к Изяславу и Ярополку перешли в родственные связи только после выраженного папой покровительства Изяславу.

Но и этими данными еще не заканчивается эпизод сношений с Западом. Имя Гертруды приходится еще раз вспомнить.

При Генрихе V в Германии (1106—1125) в Регенсбурге скотты купили себе место вне городской стены и при содействии регенсбургских купцов выстроили церковь во имя св. Иакова и Гертруды. Однако денег нехватило. Тогда, будто, некий Маврикий, умный человек, отправился к русскому князю и был им так щедро одарен, что на вырученные деньги dokonчена была постройка монастыря и возведена над храмом крыша. Вот этот любопытный текст: «И вот тогда из числа братьев нашелся человек практический и чрезвычайно опытный в ведении такого рода дел, именем Маврикий, один, в сопровождении лишь отрока-спутника, руководимый св. духом, отправился трудно проходимыми путями и благодатью его прибыл к русскому князю и от самого князя и бояр (Principilibus) богатейшего города Киева (Chios) получил большое количество драгоценных звериных мехов стоимостью в сто марок и, нагрузив их на повозки, вместе с купцами благополучно прибыл в Ратисбону (Регенсбург), а из цены, вырученной за них, были выстроены монастырские здания и сделана была крыша монастыря (т. е. церкви)».¹ Возникает вопрос, почему посольство было направлено к русскому князю для искания средств на достройку храма в Регенсбурге и почему сам русский князь и его бояре (Principales) так щедро одарили практического Маврикия. Никто не задавал и не решал этих вопросов, возникающих сами по себе при чтении приведенного рассказа, но имя Гертруды, жены Изяслава, может пролить свет на это посольство. Ее пребывание в Германии с Изяславом, ее имя Гертруды — то самое имя святой, которой строился храм, — повидимому, могут дать объяснение практическому предприятию Маврикия. Если бы это было так, то оказалось бы, что посольство Маврикия могло состояться до 1108 г. и именно при Святополке и при жизни Гертруды.

¹ Acta SS. IX февраля, стр. 370. Жизнь Мариана.

II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола

Изучение лицевых украшений рукописей, ограниченное только художественным исполнением, является недостаточным и односторонним. Отдельные картинки, украшающие текст, их композиция, содержание, краски, стиль и формы еще не дают достаточно материала для суждения о значении миниатюр. По чертам стиля и по формам живописи, правда, можно определить время появления рукописи и выяснить художественные традиции в исполнении картин, но сама по себе рукопись остается темным и загадочным явлением на фоне исторических событий, сопровождавших ее появление, вследствие чего до сих пор еще историки не интересуются книжной иллюстрацией и не опираются на ее данные. Исключение представляют только историки литературы, в некоторых случаях пользующиеся материалом иллюстрированных рукописей благодаря содержанию миниатюр, отвечающему содержанию различных литературных памятников.

На художественные иллюстрации летописей, равно как и других рукописных книг, нельзя смотреть как на явление случайное, прихоть иллюстратора или заказчика. В исторической перспективе иллюстрации рукописей являются законными и типичными показателями эпохи, класса, общих воззрений и верований и художественных традиций своих собственных или возникших на основе культурных сношений. Иллюстрации летописей особенно интересны не только по своему содержанию, но и по основным своим свойствам, отличным от свойств всякого другого отдела рукописей: евангелий, библий, псалтырей, житий и т. п. Наши русские изводы летописей, переводные или оригинальные, имеют особый преимущественный интерес, сравнительно с другими родами рукописей, еще и потому, что представляют ярко выраженный средневековый порядок идей, связанный с русским феодализмом в его государственном и бытовом проявлении.

Иллюстрированная пергаменная рукопись Хроники Георгия Амартола, единственный мировой экземпляр, украшенный 125 рисунками,¹ является наиболее показательным примером во всех указанных отношениях. Акад. В. М. Истрин издал славянский текст этой рукописи, но ее миниатюры еще ждут исследователя. Эта замечательная рукопись не могла быть ни точно датирована, ни приурочена к определенной русской области потому, что ее выходная миниатюра не только была не понята, но неверно объяснена. На

¹ См. мою статью — Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. Краткий отчет о деят. общ. древней письменности и искусства за 1917—1923 гг., стр. 11—35. Deuxième Congrès International. Belgrad 1929, p. 127—135.

ней изображены Михаил и Оксинья, которых считали то за византийского императора Михаила Метиста и его жену Евдокию, вопреки надписи, то просто за царя и царицу или за какого-то князя, а Оксинью за его жену. Мне удалось доказать, что изображены князь Михаил Тверской и его мать Оксинья, что рукопись была выполнена для них в Твери не позднее 1294 г. Таким образом, верное понимание выходной миниатюры раскрывает классовое происхождение рукописи, выполненной для тверского князя, и, во-вторых, точно устанавливает дату и место возникновения: Тверь около 1294 г.¹ Этим, однако, не ограничивается вся важность выходной миниатюры. На подножии Христа на этой картине читается надпись, ранее неверно прочтенная, говорящая о том, что мастером ее был Прокопий: «Многогрешный раб Божий Прокопий писал». Этот крайне редкий случай надписи имени мастера бросает еще более яркий свет на выходную миниатюру, так как дополняет ее содержание не только указанием имени мастера, но возможностью определить его школу.

Акад. В. М. Истрин с достаточной ясностью возвел первое появление перевода Георгия Амартола на русский язык к Киеву, к почину Ярослава. Ясно, что иллюстрированный экземпляр, копировавший греческие миниатюры, также должен был возникнуть в Киеве и дать возможность появиться тверскому иллюстрированному кодексу. Мастер Прокопий, изобразивший выходную миниатюру с отличными фигурами князя, его матери Оксиньи и Христа на троне, по сторонам которого они стоят, показал себя как первостепенного миниатюриста, искусство которого также должно быть связано с Киевом.

Сношения Твери с Киевом в интересующую нас эпоху были часты. Михаил Тверской и Оксинья отправили в Киев в 1289 г. посольство с игуменом Адрианом к митрополиту киевскому и всея Руси Михаилу. Адриан был поставлен им во епископы Тверского княжества. При таких посольствах могли приходить в Тверь и мастера и книги. В соседнем княжестве Суздальском был двор Печерского монастыря и церковь св. Димитрия,² а в 1250 г. из Киева в Суздаль пришел митрополит Кирилл и привел с собою архимандрита Печерского монастыря Серапиона и поставил его епископом Владимира и Суздаля. Такие данные бросают свет на сношения с Киевом и на появление на севере таких мастеров, как Прокопий, автор иллюстраций к тверскому изводу кодекса Георгия Амартола.

¹ Этот факт важен сам по себе, так как рисует нам Тверское княжество в пору его расцвета и борьбы с Московским княжеством.

² Ипатьевская летопись под 6604 (1096) г.

Не менее важна другая выходная миниатюра с изображением автора хроники, монаха Георгия Амартола. Она, несомненно, представляет копию с византийской миниатюры рукописи, т. е. протооригинала извода хроники, и выполнена с таким же отличным мастерством, как и первая. Она передает не только портретные черты худого, бледного монаха, но и способ его писания всей хроники, так как он пишет свой труд не в книге, а на большом листе пергамина, что указывает на писание свитка. Из этого явствует, что русская копия донесла тип первоначального греческого извода в его полной сохранности.

Вторая выходная миниатюра еще яснее раскрывает свойства кодекса, так как дает портрет автора, а обе выходные миниатюры стоят в связи с историей иллюстрированной рукописной книги. Выходные листы рукописных книг представляли собою два рода рисунков: 1) изображение авторов и 2) изображение лиц, которым посвящена книга. Уже в эпоху Птолемея является такая книга. Сенека видел книги, украшенные наподобие стен дома, с портретами авторов, а Иоанн Златоуст видел книги, на которых вверху находилось царское изображение, а внизу — изображения побед и трофеев.¹ Эти два рода выходных картин прослеживаются во всей истории византийской иллюстрированной книги. Так, на одном из выходных листов рукописи Диоскорида Венской библиотеки находится изображение Юлианы принцессы, владельницы рукописи, подобно тому как позднее на выходном листе Изборника Святослава 1073 г. находится изображение этого князя с семейством. На другом листе рукописи Диоскорида находится изображение самого Диоскорида как автора, подобно тому как перед каждым евангелием находится изображение соответственного евангелиста. Таких рукописей, однако, слишком много, чтобы можно было их перечислить, но на русской почве кодекс Хроники Георгия Амартола является замечательным исторически выдержанным экземпляром средневековой иллюстрированной книги и, как таковой, хорошо характеризует почин тверского князя, о котором летопись говорит: «в сладость послушая божественных книг по вся дни и нощи» [Тверская летопись под 6827 (1319) г., стр. 412—413].

Обе разобранные картины, однако, имеют особенности, типичные для средневековой идеологии, и в этом отношении по существу начинают собою цикл картин, иллюстрирующих текст. Дело в том, что Хроника Георгия Амартола есть мировая история, т. е. история всех земных царств, начиная с сотворения человека, но вся она проникнута средневековым библейско-

¹ Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства, стр. 36—38; Н. П. Кондаков. История византийского искусства, стр. 37 и сл.

христианским и феодальным воззрением. Повествование о древних царях и правителях, их войнах и деяниях перемежается с рассказами о легендарных людях, с нравоучениями, апокрифическими легендами и прообразовательными сопоставлениями. Это типичная средневековая история, основанная столько же на исторических данных, сколько на баснословии, легенде, апокрифе и проникнутая христианско-библейско-монашеским мирозерцанием феодальной эпохи. Обе выходные миниатюры запечатлены этим христианским, библейским и монашеским воззрением. На первой миниатюре князь Михаил и его мать Оксинья стоят по сторонам Христа, сидящего на троне, с молитвенно воздетыми к нему руками, внутри какого-то сооружения с тремя верхами, причем среднее имеет маковицы в виде небольшого купола, а внутри разделенного двумя колоннами на три части. В каждом отделении помещена фигура. Это внутренность храма, Сиона, Нового Иерусалима, с завесою слева, за которой стоит князь Михаил. Рисовальщик поместил их, т. е. Михаила и Оксинью, сообразно с представлениями своего времени, внутри райского храма, или Иерусалима небесного, где они молятся Христу. Едва ли молитва их может иметь иное содержание, чем та молитва, которая написана над княжеским семейством на выходном листе Изборника Святослава 1073 г.: «Желание сердца моего, господи, не презри, прими ны в рай, помилуй ны». Место, где сидит Христос и стоят князь Михаил и Оксинья, описано в сказаниях монаха Синхрона как местопребывание небесного судии, сидящего за драгоценными завесами, куда он призывает на суд царей, Константина с царицей Еленой и других царей, затем царя Маврикия, убитого на гипподроме, и прочих.¹ Мне известно только одно изображение этого судии, сидящего в «скровне» месте, в Сильвестровском сборнике XIV в., где Христос — Судья изображен внутри арки с завесою, для иллюстрации видения Авраамом рая в апокрифическом Откровении Авраама.

Обстановка, среди которой изображен монах Георгий Амартол, также представляет христианскую средневековую архитектуру. В глубине картины изображен киворий, обыкновенная принадлежность алтарной части. Монах Георгий в нимбе, как святой, сидит внутри трехарочного сооружения, одетый в монашескую схиму.

Миниатюры, украшающие текст, еще яснее запечатлены средневековым мирозерцанием, лежащим в основе текста как литературного произведения. Средневековый характер миниатюр определяется прежде всего тем

¹ Арх. Порфирий Успенский. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г., СПб. 1856, стр. 111—112. Из сказаний монаха Синхрона по рукописи Синайского монастыря.

что взглядом, начало человечества основано на библии, и подобно тому как текст начинается словами: «Книги рождества человека, в день в онже созда бог Адама по образу и по подобию своему», — так и иллюстрации к тексту начинаются изображением создания Адама.¹ Рядом с этой картиной в том же четырехугольнике изображена жертва Каина и Авеля.

Эти три миниатюры начинают собою историю человечества в ее средневековом аспекте. Уже хроника Барбара и Александрийская хроника начинались иллюстрациями творения первых людей, потопа, Вавилонской башни, хотя библейские иллюстрации в них соединялись еще со многими античными переживаниями, например, изображениями островов, времен года и проч.²

Так же точно и греческая рукопись Скилицы Куропалата в Мадриде и болгарская летопись Манассии в Ватикане начинаются первоначальными событиями библейской истории человечества, причем авторы миниатюр делают выбор между этими событиями. В хронике Манассии даны творения Евы, грехопадение, изгнание из рая, выход Ноя из ковчега, столпотворение вавилонское, в зависимости от текста хроники.

Эти первоначальные иллюстрации к тексту Георгия Амартола представляют повторение обычных рисунков иллюстрированных библий, из которых и заимствуют композицию и общий стереотип. Сообразно тексту, иллюстратор копирует только те картины, которые имеют показательное значение или служат для водворения средневекового воззрения и морали, что является вторым важным этапом в понимании средневековой хроники. Так, общеизвестно средневековое воззрение на происхождение наук, искусств и ремесл. Каждая наука, искусство, ремесло имели своего родоначальника, и наша хроника вполне удовлетворяет этому воззрению на историю человеческой культуры. Изображен Сиф, сидящий перед звездным кругом, научивший людей еврейской грамоте и астрономии; Немврод, скачущий на белом коне и стреляющий из лука в оленя, научивший людей охоте, и первый волшебник и маг; царь Крон, первый царь, покоривший людей; затем Фур, почитавшийся под именем Арея, которому ассирияне поставили столп и идол которого боготворили в качестве бога; царь Инах, создавший град во имя луны (Иоград) и проч. При обзоре римской истории автор изображает некоего мужа Пала, создавшего великий дом и назвавшего его палатой, так

¹ Carolus de Boor. Georgii Monachi chronicon. Lipsiae, MCMIV, p. 6: Βίβλος γενέσεως ἀνθρώπων ἢ ἡμέρα ἐπλασεν ὁ θεός τὸν Ἀδὰμ κατ' εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν αὐτοῦ.

² См. мою статью в Визант. временнике за 1905 г. СПб., т. XII, стр. 1—24, Библиография.

139426

что и русские читатели узнавали, что палаты их восходили к имени первого строителя Пала, а любимые ими охоты изобретены были Немвродом. Читая отдел римской истории, они узнавали, что первый диктатор или «самовластец» был Юлий Цезарь.

С другой стороны, картинки к тексту закрепляют яркие примеры средневековой морали. Так, изображение Каина и Авеля закрепляет образы первого злодея и первого праведника. В русских источниках слово «Каин», «окаянный» применяется к злодеям, каковы Святополк, прозванный окаянным: «Видите ли второго Каина явшася», говорится о Святополке, «яко братоубийца Каин древле Святополк явися» (службы Борису и Глебу). Равным образом, Хроника Амартола отметила миниатюрой образ другого злодея Авимелеха, с которым также сравнивается Святополк окаянный.¹ Патриарх говорит Ольге: «Христос имать сохранить тя яко же Еноха в первыя роды и потом Ноя в ковчезе, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона. Давыда от Саула, три отрока от печи, Данила от зверий, тако тя избавить от неприязни и от сетей его».² Из числа этих параллелей в Хронике Амартола подчеркнуты посредством картин — наказание Содома, Даниил во рву львином и Авимелех, так что выступает определенно распространенность и употребительность этих параллелей, идущих еще от древнехристианских молений о спасении души: «как спас Даниила изо рва львиного» и т. п., доживших до средних веков и до рукописных украшений средневековых книг. Изображение Авимелеха, избившего своих братьев для обладания властью, встречается не только в библиях, но и в псалтырях.³ В нашей хронике изображена внезапная смерть Авимелеха, убитого куском жернова, брошенного с городской башни какой-то женщиной. Он служит параллелью к Святополку: «сей же Святополк новый Авимелех бысть, оже ся убо родил от прелюбодеяния, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, последи же жена самого оуломкомъ оуби с города, тако же и сий Святополк».⁴ Рядом с этим типом злодея, в миниатюрах Георгия Амартола отмечены гонители Юлиан отступник и Антиох. Первый в литературных памятниках вспоминается по поводу могилы Святополка окаянного, из которой исходит смрад, как из гроба Юлиана. С Антиохом Святополк сравнивается в том смысле, что бог отнял Владимира от русской земли,

¹ А. Шахматов. Разыскания, стр. 52, 53. Ср. «окаянствие» в тексте Хроники Амартола, по изд. В. Истрина, стр. 271.

² А. Шахматов. Разыскания, стр. 545.

³ Ф. И. Успенский. Серальский кодекс пятикнижия, табл. XLIV, 289; J. Strzigowsky. Serbisches Psalter, Taf. XII.

⁴ А. Шахматов. Разыскания, стр. 52.

«а наведе грех наших ради Святополка, якоже древле наведе на Иерусалим Антиоха»¹ (А. Шахматов, стр. 49). Отмечая злодейство в разных видах, Хроника Георгия Амартола дает и нравоучительную параллель к избиениям. Изображено, как Амвросий медиоланский запрещает вход Феодосию в храм за его безумное кровопролитие в Селуни, картинка, наглядно позорящая жестокость русских князей, бравших города на щит в эпоху междоусобий. Затем он изображен получающим прощение, пролив слезы покаяния, и молится в присутствии Амвросия, «нищ на земле лежа». На сравнение с этими картинками напрашивается плач и раскаяние князя Игоря, взявшего на щит город Глебов, погубившего невинное население от мала до велика и затем говорящего с молитвой: «Но, владыко, господи боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость нам, рабом твоим» (Ипатьевск. лет. под 1185 г.).

С другой стороны, в Хронике Георгия Амартола являются и другие, уже благодетельные параллели. Так, на рис. 102 изображен высокий и сильный ангел, поражающий 185 тысяч ассирийцев под начальством Сенахериба. Это наказание ассирийцев, воевавших Иерусалим, имеет свое начало в живописи, повидимому, с VIII в., так как Иоанн Дамаскин описывает картину, писаную восковыми красками и изображавшую избиение ассирийцев ангелом, и Давида, поющего псалом. Этому грозному ангелу, защитнику Иерусалима, уподобляется Александр Невский, защитник Руси,² а храбрость его приравнивается «аки царя римского Еуспасиана, иже бе пленил всю Подиудейскую землю». Эти средневековые параллели, так ярко выступающие в выборе библейских тем в иллюстрациях Хроники и не менее яркие в литературных произведениях и летописях, можно закончить указанием на такие картины Хроники, которым отклик дает средневековый русский быт. Так, изображения Соломона, Давида, Сампсона и его подвигов не требуют литературных аналогий, так как общеизвестны. Сампсону и Давиду приравнивается уже Владимир, затем Ярослав и т. д. У Илариона в его Слове говорится о Владимире и Ярославе: «Он», т. е. Ярослав, «недокончанная тобою доконча, аки Соломон Давыдова». Точно так же образцы благонравия повторяются и на русской почве. Так, гневный Феодосий, заставляющий сыновей своих почтить Арсения поклонами в землю, в русской летописи имеет разные параллели: «Судислав же обоумая нозе его, обещаюся работе» (Ипатьевск. лет., стр. 738); или — «Изяслав же с великою

¹ Migne. Part. c. compl. I. De imaginibus, pp. 13—14.

² Лавр. лет., стр. 206. Этот ангел есть арх. Михаил: «но ангел мой идетъ с вами» — Ипатьевск. лет., лл. 1112—1113, стр. 237.

радостью и с великою честью поклонися Всеволоду и рече: отче, кланяюся ти ся» и проч. (Ипатьевск. лет. под 1151 г., стр. 419).

Русь, принявшая христианство, с особенным интересом относилась к язычеству, к идолам, волхвованиям, поэтому неудивительно, что среди картин находим сожжение Авраамом кумирницы Фары, уничтожение идолов, Симона волхва, Замврия. В русских летописях рядом рассказы о Симоне волхве¹ и о своих русских волхвах и идолах.² Таким образом и в этом отделе Хроник Амартола замечается полное соответствие с интересами средневекового русского читателя. Среди таких картин обращает на себя внимание особенно одна, представляющая рождение Александра Македонского посредством волхвования от египтянина Нектонава. Эта картинка особенно интересна тем, что не отвечает своими особенностями тексту Амартола. Олимпиаду, жену Филиппа, кладут на кровать в то время, как Нектонав соблазнитель, воздев руки, молится небу. О молитве Нектонава в хронике Амартола нет ни слова, но о ней рассказывается в тексте Александрии, из чего следует, что картинка эта не сочинена рисовальщиком миниатюры, а заимствована из иллюстрированной Александрии, возбуждавшей особенный интерес в феодальной Руси. Отсюда вытекает, что миниатюры, касающиеся Александра Македонского, как-то: посещение Иерусалима, царицы Кондакии, врахманов, заимствованы из Александрии,³ подобно тому как библейские картины заимствованы из иллюстраций Библии. Рождение Александра пользовалось большою популярностью и было изображено в 1669 г. для царя Алексея Михайловича армянином Богданом Салтановым.⁴ Различные чудесные явления, как волхвование жен, отмечено и русским средневековьем: «Паче же женами бесовская волшвеня бывають: искони бо бес жену прельсти, си же мужа; тако в вся роды много волхвуют жены чародейством и отравою и иными бесовскими кознями», говорится в Киевском летописании (А. Шахматов, стр. 603). Всеслав Полоцкий был, по летописи, рожден от волхвования и имел на голове какую-то язву, почему был немилостив на кровопролитие. Миниатюра с рождением Александра Македонского отвечает этому всеобщему средневековому верованию. Одинаков интерес и к Симону-волхву и Аполлонию Тианскому,

¹ «При апостолах бо бысть Симон волхв, иже творяше волшеством псом глаголати человеческы, и сам применяеться ово стар, ово млад, ово ли и иного пременяше в иного образ, в мечтании сице творяеть». А. Шахматов. Разыскания, стр. 603.

² Волхвования кудесника, см. Ипатьевск. лет., стр. 168.

³ Parturiente Olimpiade assistebat Nectonavus, celestes cursus et astrorum motus inspectans. В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, стр. 31 и 43.

⁴ И. Забелин. Домашний быт русского народа, т. I, М., 1895, стр. 215.

изображения которых даны в Хронике, а сведения о которых дают русские летописи.

Нельзя обойти молчанием такие картины, которые отмечают интерес современников к чудесам и знаменательным событиям древности. Если о блаженных людях рахманах рассказывается во многих литературных памятниках (Ипатьевск. летопись, Александрия и пр.), то миниатюра Хроники Амартола изображает этих блаженных людей, живущих по обеим сторонам реки Гала. Один раз в году мужья приплывают к женам. Так же точно особый интерес отмечен и миниатюрой с изображением извержения горы Везувия: «Везвийская гора в западе расседя, огнем вскипе толма яко поपालити прилежащую страну и градъ». На картинке верх Везувия раздвоен, красные, т. е. огненные расселины видны на ее боках. Двое людей, стоя у башнеподобного города, поднимают руки вверх, в знак удивления. Вторично, сколько я знаю, извержение Везувия заняло интересы русского общества в картине Брюлова, хотя об извержениях в общих чертах и говорится в летописях.

К числу таких же занимательных чудес мира принадлежат сады Семирамиды, сон Навуходоносора и его видение высокого дерева, олицетворяющего его царство, статуя Рема и другие чудеса, изображенные в Хронике Амартола.

Таким образом, иллюстрации к Хронике Амартола почти сплошь запечатлены средневековым воззрением и потому не сразу усваиваются современным зрителем. Приведенные данные картин рисуют эпоху, воззрения и интересы глухого феодального средневековья на Руси, столь родственного византийскому и западному средневековью. Иллюстрации к Хронике оживают для своей эпохи, когда к ним прикасается жизнь, окружавшая самое появление и исполнение рукописи, когда становится ясным, что появлением иллюстраций руководили современные интересы и когда каждый живописно данный образ отвечало определенным жизненным представлениям, теперь давно забытым.

III. Замечания к тексту Слова о полку Игореве

1. «Два солнца померкоста . . .» и пр.

Бояре, выслушав сон Святослава, объяснили его таинственное значение: два сокола слетели с отня стола злата. Оба они в плену, крылья у них подрезаны, а сами они попали в путины железные. Два сокола — это Игорь и Всеволод. Далее идет такой текст: «Темно бо бѣ въ ѿ̄ день, два солнца

померкоста, оба багряная стълпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста, на рѣцѣ на Каялъ». Два солнца и оба багряные столпа — это Игорь и Всеволод, как обычно объясняют комментаторы, совершенно правильно понимая эти иносказания. Другие исследователи, как Лонгинов, Перетц, обратили внимание на обычай сравнивать князей с солнцем в эпической поэзии, в причитаниях над умершими и в быту, что вызвало протест проповедника: «не нарицайте друг друга праведным солнцем, ниже самого царя земного, никогожь от властелей земных не можете нарицати праведным солнцем, то бо есть божие имя».¹ Действительно, в эпической поэзии знаем Владимира красное солнышко, а в других случаях, в причитаниях, Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Донской и другие уподоблялись солнцу. Эта метафора сохранила свое существование вплоть до настоящего времени. Ища аналогий в песнях, плачах и в быту, находили уподобление солнцу, месяцу, но никто не мог указать на уподобление героя багряным столпам, их нет ни в эпической поэзии, ни в песнях и плачах. Кроме того, форма, в которой автор Слова уподобляет своих князей солнцу, багряным столпам и месяцам, не соответствует ни характеру, ни строю песенной поэзии или плачам над умершими князьями. Так, в том же Слове о полку Игореве находим навеянный песенной поэзией пример уподобления Игоря солнцу: «Солнце светит на небеси, Игорь князь в Русской земли». Такое уподобление солнцу не только отличается от приведенного выше, но и отмечает в солнце совсем иное состояние: солнце светится нормально, а ранее — «два солнца померкоста». Тем не менее приведенное место само по себе крайне интересно и имеет отличные аналогии в письменных памятниках. Оно не только близко напоминает летописные известия о небесных знаменьях, но построено как непосредственное подражание этим известиям, хотя и приведено в общую связь со стилем Слова. То небесное знамение, которое видел Игорь с войском, так описано в Радзивилловской летописи: «Мая в а̄ день на память св. Еремѣя в среду на вечерни бысть знаменьє в солнци и мрачно бысть вельми, яко и звѣздъ видити и человекомъ во очию яко зелено бяше и в солнци учинися, яко мѣсяць, из рогъ его яко уголь кровавъ исхожаше и страшно бѣ видѣти человекомъ знаменьє божие» (стр. 232). В этом тексте поучительно настроение, в котором изложено солнечное затмение: «в а̄ день мая мрачно бысть вельми» и «страшно бѣ видѣти», что очень близко напоминает выражение Слова: «темно бо бѣ в г̄ день». Другое

¹ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 191.

поучительное знамение описано в связи со смертью переяславского князя Андрея Володимировича в январе и во время его похорон в церкви Михаила: «Егда же несяху ко гробу, дивно знаменье бысть на небеси и страшно: быша 4 солнца сияюще межю собою, а столпие три отъ земли до небеси. Надъ всѣми горѣ бяше аки дуга мѣсяць остоящъ и стояша знаменья та дондеже похорониша». К этому тексту дана изъяснительная картинка с изображением знамени, т. е. трех столпов с четырьмя солнцами над ними (л. 172). В этом известии являются три столпа от земли до неба без обозначения их цвета, который иногда обозначается: «Бысть знаменье в Печерском монастыри в аї. явися столп огнен от земля до небеси, а молния осветиша всю землю и въ небеси погрѣмѣвъ аї въ а час нощи и весь мир видѣвъ, сей же столпъ ста первѣе на трапезници каменной, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало сступи на церковь и ста над гробомъ Феодосьевымъ, а потомъ вступи на верхъ акы къ востоку лицъ и потомъ невидимо бысть» (Радзивилловск. летопись, л. 154 об.). Огненный столп в этом знамени очень близко напоминает «багряные столпы» Слова о полку Игореве. Над погребенным под насадом Глебом «овогда бо видѣша столпъ огнень, овогда свѣщѣ гороущѣ». ¹ Этот огненный столп изображен в лицевом жизнеописании Бориса и Глеба, изданном Н. П. Лихачевым. ²

Вера в подобного рода небесные знаменья была общераспространенной. Часто вслед за описанием такого небесного знамени говорится о смерти какого-либо князя: «Бысть знаменье в солнци в а час дни, бысть видѣти всѣмъ людемъ: осталось его аки съ мѣсяць, долу рогама марта кд. Въ том же лѣтѣ преставися благовѣрный князь Михаилъ, зовомый Святополкъ» (Радзив. летопись, л. 155 об.). Или: «Преставися князь черниговский Игорь, тое же зимы явися знаменье в лунѣ» (Радзив. летопись, л. 237). В таких случаях знаменья небесные являются не на добро, а предвещают смерть: «знаменья бо на небеси», говорит летописец, «или в звездах или в солнци, или птицами, или етером чимъ не на благо бывають, но знаменья сипа на зло бывають». Знакомство автора Слова с этими знаменьями небесными, птичьими и иными проскальзывает не раз в его произведении, о чем еще придется сделать несколько замечаний, но необходимо отметить, что приведенная фраза о том, что «два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста» и проч., по сравнению с описаниями различных знамений небес-

¹ А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века Московского Успенского собора, М., 1899, стр. 6г.

² Лицевое житие Бориса и Глеба по рукописи XV в., Пам. Др. П., СХХIV, 1907, стр. 61.

ных в летописи, ясно указывает на знакомство автора с описанием подобных явлений в современной ему литературе и составлена не в подражание песенному материалу, а литературному. Плен и гибель князей облечены в образы небесных знамений, предрекающих злое. Автор Слова, описавший солнечное затмение, виденное Игорем и его войском, о котором дружина сказала, что «знаменье се не на добро», развил свою мысль в виде описания небесного явления, знаменующего плен и гибель князей. Уподобление князей солнцу автор Слова провел и ранее, когда говорил: «черныя тучи съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца», т. е. князей: Игоря, брата его Всеволода, Святослава Ольговича Рыльского и Владимира Путивльского, сына Игорева. Но в этом случае небесного знаменья нет, а простое закрытие света солнечного темными тучами.

2. „Скочи отъ нмх (отных) лютымъ зверемъ“

Изложение событий из жизни Всеслава Полоцкого соединено в тексте Слова с порчей во многих местах. Эта порча является иногда, как можно думать, вследствие перестановки текста в каком-то протооригинале, а иногда она может быть отнесена на счет неумения переписчиков прочесть то или другое слово. Так при изложении бегства Всеслава из Белгорода в Полоцк, повидимому, имела место порча текста вследствие неясности написания и неумения переписчика прочесть слово.

Сущность рассказанного эпизода следующая. Всеслав Полоцкий, возведенный на киевское княжение после бегства Изяслава из Киева, вышел с войском к нему навстречу, когда тот при помощи Болеслава Храброго, польского короля, возвращался в Киев. Желая сразиться с ним, он прибыл в Белгород: «Поиде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава: Всеславъ же поиде противу. И приде къ Белугороду Всеславъ, бывши ноци, утаився Къянъ, бежа изъ Белгорода к Полотъску. Заутра же видѣвшє людье бѣжавша князя и возвратишася Къеву и сотвориша вече» (Ипатьевск. летопись, стр. 162). Помощь Болеслава оказалась настолько реальной, что Всеслав не решился на битву, а, тайно скрывшись от своих киевских друзей, в полночь бежал в Полоцк. Когда стало известно о бегстве Всеслава, киевляне возвратились в Киев и собрались на вече. Изяслав с небольшим количеством поляков прибыл в Киев и занял великокняжеский стол. Изложение события бегства Всеслава из Белгорода в Полоцк в Слове о полку Игореве отмечено порчей текста: Всеслав «дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. Скочи отных (или отъ нихъ) лютымъ зверемъ въ пльночи из Белаграда, обѣсися снѣ

мггѣ». Слово «отныхъ» екатерининской копии, или «отъ нихъ» пушкинской является непонятным, к кому собственно оно относится и кого обозначает, так как ранее нет существительного, к которому оно могло бы относиться. Предположение, что это враги Всеслава Ярославича,¹ ничего не объясняет, так как со Всеславом не было ни одного из них, а против Изяслава он выступил с войском. Тайтаться киевлян ему не было бы никакой надобности, если бы он не задумал изменить им и бежать, убоившись битвы. Мне кажется поэтому, что «отныхъ» или «отъ нихъ» есть порча текста, неверное чтение слова в оригинале. Если сопоставить летописный текст о бегстве Всеслава в Полоцк с текстом Слова, то получится следующий результат: оба текста знают, что Всеслав бежал из Белгорода в Полоцк, что бегство произошло ночью (бывши нощи, в полночи), кроме того летопись знает, что Всеслав бежал тайно (утаився) от киевлян, а в Слове «скочи отныхъ». В слове «отныхъ» или «отъ нихъ» скорее всего скрывается слово «отай», т. е. тайно, так как переписчик легко мог «й» прочесть как «их», а вместо «а» читал «н». Автор Слова должен был знать, что Всеслав бежал тайно и обманул надежды киевлян до такой степени, что они сами снова позвали Изяслава. При таком понимании слова «отныхъ» или «отъ нихъ» все в приведенной фразе автора Слова становится ясным и согласным с летописью. Едва ли можно вместе с Коршем исправлять эту порчу, образуя из фразы «скочи отныхъ» фразу «скочи от ратныхъ», так как сам Всеслав шел ратью на Изяслава с Болеславом, но изменил киевлянам.

Употребление слова «утаився» вместо «отай» часто встречается в летописи: «И начаша Давидовичи думати отай Святославля мужей» (под 1146 г., Ипатьевск. летопись, стр. 328); «и рече имъ отай всѣхъ» (Александрия. В. Истрин, стр. 342); «бѣжа отай в ночь» (Новг. 1 летопись под 1204 г.). Этим выражениям вполне отвечают другие: «Въ то же лѣто (1224) поиде князь Всеволод другое изъ Новгорода въ ночь, утаився со всѣми двором своимъ, приѣхав, сѣде на Торжку». «Потапшася въ лодьяхъ» — сказано об Олеге и его воинах и проч.

¹ См. В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревѣ, стр. 292.